

Ирина Иванцова

УВИДЕТЬ

птицу

КОРОСТЕЛЬ

12+

Ирина Владимировна Иванцова Увидеть птицу коростель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30487566

SelfPub; 2018

Аннотация

Автор сборника рассказов не давит на читателя, не морализирует, он простым и лаконичным языком живо, искренне и с юмором повествует о людях разных поколений и об их отношениях с друзьями, любимыми и родственниками.

Увидеть птицу коростель

1

Слез не было. Были только шаги, которые отдавали ударами в позвоночник. Он бежал. В голове была какая-то странная пустота, словно все мысли стряхнули взмахом волшебной палочки и, казалось, что звучат только удары шагов – и больше ничего, только шлепки сандалий по пыльной земле.

Может, так всегда бывает, когда решение принято – и анализировать, взвешивать, сомневаться больше не нужно. Всё исчезает, отделяясь от тебя в некое запредельное пространство, падает на дно зазеркалья, и ты становишься весь как-ким-то пустым: внутри ничего больше нет, ни одного ощущения. Будто ты до этого и не жил вовсе: не радовался, не болел, не разбивал колени всмятку, не держал карамельку за щекой, не резал пальцы, не чувствовал собственных рук – ног. И в этой пустоте – только удары сердца, которое поднялось куда-то в горло и пульсирует, пытаясь вынырнуть, – и тогда наступит уже абсолютная тишина.

Он не заметил, как пересёк дорогу, даже не взглянув на светофор, перебежал на красный, чудом не угодив под машину. Но разве это имело теперь хоть какое-нибудь значение.

По узенькой дорожке он устремился прямо к небольшому деревянному мостику, тому, что справа от каменного, автомобильного, с тёмной асфальтовой полосой, убегающей

вдаль. Там в низине небольшой речушки, больше похожей на ручей, были заросшие прибрежной травой мостки, на которых когда-то женщины полоскали бельё. А теперь доски, потемневшие от времени, стали скользкими, зализанными водой. Их густо покрывала зеленоватая пушистая слизь.

Самые гулкие шаги по ним, по мосткам, самые гулкие... и последние. Раз-два... Успел заметить краем глаза водоросли на дне, такие спокойные, отрешенные, что показалось, будто именно к нему они тянутся в своем убаюкивающем движении, зовут его прислониться к их тайнам и их размеренному, почти вечному, величию. Мелькнула стайка малюсеньких рыбок. Мелькнула и пропала. Там на дне реки не было главного – человека. И от этого было хорошо. Мир, где нет людей, лишен страданий... Три-четыре... Ноги скользнули на краю, он взмахнул руками, то ли поскользнувшись и балансируя, то ли оттолкнувшись и падая вниз.

2

Вот он Таськин ад. Она сидит на табурете по середине кухни и смотрит в темное утреннее окно.

А в оконном зазеркалье плавают их кухня: стол, накрытый светлой клеёнкой, шкаф с посудой, газовая плита, холодильник, рукомойник (так у них всегда в доме было принято говорить, хотя рук там отдельно не мыли), рукомойник, с висящей над ним газовой колонкой, яркий, разрываемый

светом плафон на шнурке, а под ним на табурете Таська, с волосами, спущенными до пояса. Над ней склонилась мама с расческой. Она раздирает непослушные Таськины волосы. И Таська больше всего ненавидит эту утреннюю экзекуцию с прочёсыванием и заплетанием. Пошевелиться нельзя, ойкать тоже, а косы мама делает такие тугие, чтобы они пережили целый день и даже после тихого часа не растрепались. И вытерпеть это – особое мужество.

Мамины руки плавно, но уверенно движутся в окне. И вся она такая ловкая, гибкая и грациозная, словно играет на фортепиано или перелистывает ноты, мерно наклоняясь вперед, а не раздирает спутанные пряди на голове ребенка.

Таська кажется себе самой чудищем морским, со своим худеньким лицом и тощей фигуркой, пропавшей в копне волос. Да, и из всего лица видна только светлая полоска носа и кусочек лба над ней. В темной оконном мареве качается какой-то желтоватый череп с провалами глазниц. И Таську забавляет эта странная картина, и она думает о том, что в каждом человеке вот так неведомо живет кто-то другой – второе существо, но никто его не видит, а она – да.

Но вот второе я преображается, и в окне появляется шея, плечи, белая маечка, а волосы ложатся двумя тугими косами. И второе я сливается с первым, становится Таськой, и они вместе идут в детский сад.

Детский сад – это типовое кирпичное здание в два этажа. К парадному ведет узенькая асфальтовая дорожка, на кото-

рую они с мамой ступают, распахнув деревянную калитку. По лестнице поднимаются на второй этаж, и уже на ступеньках мать развязывает Таське шарф и командует, чтобы та начинала расстегивать пальто. Мать торопится на работу, поэтому Таська быстро переодевается, вешая вещи в шкафчик с яблочком на зеленой дверце, надевает сандалии и шагает в свою группу.

Сегодня воспитательницей Валерия Александровна. Высокая, крупная, чернявая. Волосы на прямой пробор, сзади собраны в пучок и зашпилены. Голос у неё негромкий, как будто даже вкрадчивый, но все дети боятся ее больше Лидии Андреевны, второй воспитательницы.

Лидия Андреевна тоже высокая, с коричневыми кудряшками, завитыми на крупные бигуди. Да и вся она какая-то коричневая: её платье в цветочек в рыже-жёлтых тонах, хлопковые чулки, песочного цвета туфли.

А Валерия Александровна – синяя. Сегодня она ещё и в синем сарафане. Но даже, когда она одета во что-то другое, она все равно синяя.

В обед, в самый тихий час, они сменяются. Так заведено: то одна с утра, то другая – работа в две смены.

День начинается с зарядки. Все старательно тянут носки – пятки, ходят по кругу, ритмично двигая руками. Выполняют команды воспитателя бодро и весело, то под аккомпанемент фортепиано, то под удары бубна.

Завтрак. За столиками сидят по четверо. Сегодня манная

каша с вишневым вареньем, хлеб с маслом, какао. Таськин столик – это Олежка, Сева и Оля. Сева постоянно болеет, часто не приходит в сад. Тихий мальчик с вытянутым лицом и торчащими непослушными волосами. Самое примечательное в Севе – нос. Распухший, покрасневший. Кажется, что на всём его лице и есть только этот нос, растёртый платком, покоящимся до поры до времени в левом кармашке брюк. Сева периодически достает его и высмаркивается, отворачиваясь в сторону. После возвращается к еде с извиняющейся улыбкой.

Оля тихая худая девочка с вкрадчивым голосом, каким можно рассказать самую простую историю, и она мгновенно превратится в сказочную. У Оли лицо с непривычными калмыцкими чертами, делающими её облик каким-то особенно беззащитным именно из-за необычности сочетания с какой-то недетской кротостью характера. Невозможно было представить, что Оля будет копать песочную кучу, месить грязь в луже, прыгать с криками под дождем, вопить «кто громче» до иступления, петь песни хором. Но прыгала, кричала, пела, месила, но как-то всё равно по-своему робко.

Олежка – головная боль всего детского сада в сочетании с зубной и сердечной. И не от того, что был шалуном и хулиганом. Тут всё глубже и отвратительнее. Бабушка и дед, с которыми рос мальчик, фронтовики – орденосцы, люди правильных взглядов и категоричных суждений, наводили ужас, пожалуй, на весь город. Дед работал в обкоме, что называет-

ся «большим начальником», бабушка – в горсовете секретарём парторганизации. Они мгновенно реагировали на любое недовольство внука, который мог устроить крик из-за того, что кому-то положили в кашу на одну вишенку больше. А по-сему повариха всегда пересчитывала ягодки, чтобы у Олежки было больше, чем у остальных. Воспитательницы проверяли спинку после каждой прогулки и собственноручно меняли взмокшую маечку, следили, чтобы мальчику не было скучно, помогали выбирать ненавистный лук из супа. Заведующая шутливо называла его Олег Андреевич и всегда с поклоном здоровалась, приветливо улыбаясь. А музыкальный работник ставила его на танец в первый ряд и подбирала лучшую пару, преодолевая девчачье сопротивление, вызванное нежеланием танцевать с довольно неповоротливым партнёром. Но всё равно Олежка периодически грозил персоналу дедушкой или бабушкой, а садовские работники, скорее всего, потом всю ночь капали корвалол и молили бога дать им силы дожить до выпуска группы из детского сада.

Причиной такого поведения не был вздорный характер, а просто внушенная в сознание ребёнка мысль о правильности подобных поступков: о недочётах надо знать и доводить до сведения – иначе – хаос! – пропагандировала дома Алевтина Семёновна, бабушка Олега.

Это она приводила мальчика по утрам в сад, и, казалось, само краснокирпичное зданье начинало трепетать, когда её сухонькая рука отворяла калитку деревянного зелёного

забора.

Алевтина Семёновна, довольно высокая, тощая, с волосами, зачёсанными назад и запертыми в таком положении гребешком, в чёрном строгом костюме, коричневых чулках и черных туфлях, скорее напоминавших мужские башмаки, нежели женскую обувь, Алевтина Семёновна обладала уверенной походкой и, толкнув калитку, шла вперед, не оглядываясь на топающего сзади Олежку. Он был в этот момент её тенью, но тенью, которая гордилась своим хозяином, понимает, какое он производит впечатление на окружающих, тенью, что несла на себе отблески славы и превосходства, которые, несомненно, чувствовались во всей фигуре Алевтины Семёновны.

Итак, завтрак. Севы нет. Он болен. Оля рисует ложкой вишнёвые лучики на манной каше, которая, остывая, уже покрылась тоненькой корочкой. Она хочет довести каждый лучик до края тарелки, но у неё это не получается: лучики затягиваются на середине, оставляя едва заметный розовый след. И тогда Оля бросает своё бессмысленное занятие и принимается есть, срезая слои каши ложкой по кругу от края тарелки, постепенно двигаясь к середине против часовой стрелки. Кажется, что она чистит яблоко, и тонкая стружка, залезая на ложку, морщинится, образуя желтоватый холмик.

Таська смотрит в кашу и вспоминает прошедшее лето, когда садом выезжали из города на дачу: огромные лопухи у забора, в которых сидели с Олей, и та рассказывала о сво-

ей кошке, которая жила-жила с ними в городской квартире, да вдруг вся однажды и убежала; брызготню на веранде для мойки ног, когда каждый садился на скамеечку, вытянутую по периметру возле серой трубы, огибавшей веранду с трех сторон, трубы, в которой снизу были пробиты дырочки, чтобы лилась вода и они мыли ноги. Натерев стопы до идеальной чистоты, перепрыгивали через трубу на середину веранды, топали, стряхивая капли, и на выходе, отерев ноги полотенцем, надевали сандалии. И конечно, брызготня стояла на веранде, смех и визги, хотя побрызгать получалось не у всех – необходима была особая ловкость, чтобы правильно зажать дырочку и пустить в другого водой. У Севки выходило неплохо, но отверстия были настолько маленькими, а напор слабоватым, что водяное нападение зачастую не достигало задуманной цели и не производило нужного эффекта.

А ещё, пока все долго строились однажды перед обедом возле желтого деревянного корпуса, напяливали ненавистные белые панамы, Севка, достав откуда-то спички, показывал «фокус»: чиркая спичкой, он поджигал её, давая разгореться, и совал в рот, смыкая губы – все замороженно смотрели на него – и вот он открывал рот – оттуда доставалась уже погасшая спичка с черным, скрюченным до середины тельцем, и вылетала тонкая струйка дыма.

– Факир... – замороженно протянул кто-то.

– Факт, факир, – добавил другой.

– Казанцев! Я тебе сейчас руки – ноги оторву!! Где спич-

ки взял, ирод! – громыхала налетающая Лидия Андреевна и вырывала коробок из рук мальчика.

И весь тихий час Севка простоял пристыженно в углу. Слава богу, не заболел.

Таська посмотрела на пустой Севин стул и принялась есть кашу. Олежка уже отставил пустую тарелку и распластывал кусочек масла на хлебе. Почему-то, по какому-то неписаному закону, хлеб с маслом они ели не с кашей, а запивали кусочки глотками какао. Кто кого и когда этому научил? И учил ли? Бог весть. Но это было так. Все знали, что бутерброд вкуснее с напитком, нежели с едой. Хотя компот не в счет. С компотом этого делать было нельзя. Но на завтрак компота не подавали, и вообще никогда не было такого случая, чтобы компот и бутерброд встретились – это какой-то непреложный вселенский закон! Какая-то нерушимая вечная истина!

Олежка был острижен очень коротко, под машинку, по всей голове, кроме треугольника светлой чёлки. Обычный мальчик, если бы не ябеда. И когда после завтрака играли на ковре кто во что, он кричал: «Отдай грузовик! Это мой дедушка купил для садика! Им на работе выделили деньги!»

Иногда страсти накалялись, и Таська слышала, как мальчики сговаривались устроить Олежке «темную». Правда, «темные» заканчивались коллективным «мужским» разговором в туалете с последующими жалобами Олега на мальчишек и вызыванием то одного, то другого к воспитателям

и заведующей.

Признаться, к старшей, выпускной, группе все уже привыкли к поведению Олега и поэтому научились почти философски относиться к его бесконечным жалобам. Этому немало способствовал Ленька Кузнецов, весёлый лопоухий мальчик, испытавший на себе все углы группы (в которые его по очереди ставила то Лидия Андреевна, то Валерия Александровна), все прыгалки и ремни, применяемые родителями в воспитательных целях в борьбе за формирование характера.

И если говорить о ремнях-прыгалках, то Ленька отлично знал, что последними получать особенно больно, если родительская рука бессильно опускается и удары приходятся на обратную сторону колена. А ремень, ремень – это ничего, он широкий и не такой больный.

А вот углы доставались Леньке регулярно, особенно за лук. Если из супа Олежки воспитатели помогали убирать его ложкой, то Леньку, который отказывался есть суп с этой вареной полупрозрачной мерзостью, заставляли сидеть над тарелкой, пока суп не остывал и весь не превращался в одну большую гадость. Но Ленька сидел.

Таська поднимала голову во время тихого часа и видела, как Ленька мается над тарелкой. Затем суп убирали, а мальчика ставили в угол. Часто ли это было? Не особенно.

Так вот, несгибаемый Кузнецов первым осознал, что бороться с Олежкой бессмысленно, а уж бить и тем более. Ка-

кой от этого толк, если в ответ на тумачи для Олега, всех пересекут, как сидоровых коз, да и домашнего ора будет столько, что хоть святых выноси. К его мнению прислушивались, и поэтому все активные антиолеговские действия заключались в том, что мальчики просто обступали Олежку в туалете, чуть-чуть подталкивали и лишь грозили, что поколотят. Олег, раскрасневшись от негодования, вырывался из круга и бежал жаловаться.

– Кузнецов, Мартынов, Пульников! Убью! – орала Валерия Александровна, врываясь в мужской туалет.

Ну, а дальше всё по известному сценарию: профилактические беседы, стояние в углу, хождение к заведующей – стандартный набор действий в вариативной комбинации.

Во время тихого часа Сашка Тищенко (мальчик), друживший с Таней Егоровой и не тайно в неё влюбленный, рассказывал Таське, как они вырастут и у Тани будут вот такие сиськи. Сначала он показал их сколько хватило рук, а потом исправился: «Нет, они будут у неё до потолка! И я на ней женюсь,» – подвел он итог. Таська напряглась, пытаясь вообразить, как это будет, какой станет Таня Егорова, когда пойдёт под венец с Сашкой, но фантазии у неё не хватило, она никак не могла представить человека с подобной грудью, поняв всю тщетность своих попыток, она сказала: «Ну, тебя. Сейчас Валерия заметит, давай на разные бока.» И они с Сашкой отвернулись друг от друга.

С другого бока у Таськи была Оля. Таська пристально

смотрела ей в лицо, пытаясь понять, спит она или притворяется. Оля не спала. Почувствовав на себе чужой взгляд, она открыла глаза, и Таська, подхваченная каким-то необъяснимым порывом, неожиданно для самой себя сказала самым тихим шепотом:

– Олька, клянись, что никому не расскажешь, – Оля молча кивнула. – Честно, честно?

– Не сомневайся, – ответила Оля так же тихо, – никому ничего не скажу.

– Мне Кузнецов, знаешь, как нравится. Ой, как... – и Таська распахнула глаза до предела, словно желая именно ими передать всю силу своего чувства.

В ответ Оля глаза закрыла, словно испуганная подобной новостью, а затем стала медленно надвигать одеяло к самому подбородку... на затылок и правое ухо, превращаясь в снежный кокон с маленьким торчащим носиком.

Таська улыбнулась, ей было приятно от того, что она выпустила тайну на белый свет, и та перестала её мучить, а ещё потому, что Оля вот так сжалась и сокрыла её в какой-то совсем недоступной, почти пещерной, глубине. Таська откинулась на спину, счастливо закрыла глаза и, глубоко вздохнув, стала проваливаться в дремоту.

Зима была на исходе. Последняя в их садовской жизни. В среду репетировали танцы для выпускного. Девочки – хоровод, а мальчишки «Яблочко». Если у девочек всё было более или менее гладко, ну, не считая Шурки Зубковой, начисто

лишенной чувства ритма, то мальчуковая репетиция оказалась довольно напряженной. Максим Пульников, крупный и неповоротливый, всё время вываливался из темпа, Диня Карташов никак не мог запомнить последовательность движений и вместо одной связки начинал другую, сбивая соседних «танцоров». Хуже всего обстояло дело с Олегом. Лидия Андреевна вместе с музыкальным работником уже просто завывала. Им бы убрать его из танца вовсе, но поскольку по известным причинам сделать они этого не могли, то Лидия Николаевна стала обзывать Олежку Олегом Андреевичем, чтобы хоть как-то выпустить праведный гнев.

Репетиция длилась до самого обеда. Суп уже остывал на столиках, когда мальчики потянулись из танцзала. Постепенно почти все места были заняты, не было лишь Олежки и Кузнецова. Да и Лидия Андреевна где-то задержалась. В то время, когда мальчики стали покидать танцзал, снимая чешки и надевая сандалеты, Лидия Андреевна подошла к фортепиано и, опершись на него, стала устало жаловаться музыкантше на свою нелегкую долю и говорить, что мечтает поскорее дожить до выпуска и пенсии. В это самое время Олег уверенно подошел к воспитательнице. Лидия Андреевна обернулась и фальшиво-ласковым голосом спросила:

– Чего тебе, Олеженька?

– Я сегодня же пожалуюсь на вас бабушке. Вы не смеете этого! Не смеете обзывать меня! – отчеканил мальчик.

– Обзывать? – растерялась воспитательница. – Как обы-

вать? Когда же, деточка, я тебя обозвала, – и тон её стал еще льстивее.

– Вы обзывали меня Олегом Андреевичем. Я это понял. Я расскажу. А дедушка вам тут всем устроит, всем покажет, как меня обзывать, – почти выкрикнул Олег.

– Я... Не... Я даже не думала... – не могла никак найтись Лидия Андреевна.

– А надо думать! Всегда надо думать! – отчеканил Олег любимую фразу своей бабушки.

И повернувшись, он уверенным шагом пошёл к выходу, оставляя за спиной и Лидию Андреевну и аккомпаниатора. Он шёл и не видел, что на скамейке замер немой свидетель данной сцены – Лёнька Кузнецов, у которого завернулся на пятке сандалет, и сначала мальчик всё пытался всунуть ногу так, не расстегивая ремешка, но потом сдался и стал надевать обувь по всем правилам. Оттого и задержался, и услышал перепалку Олега с воспитательницей, видел, как та потом плакала и повторяла: «Меня уволят, уволят». Как утешала её, обнимая за плечи, аккомпаниаторша. Затем Лёнька встал и тихо и незаметно скользнул в группу.

Вот и вся причина задержки на обед. Олечка вошел покрасневшийся, сел за стол и энергично заработал ложкой. Тася и Оля молча переглянулись. Когда вошел Кузнецов, Таська не видела, поскольку сидела спиной к нему. Да, и в самом деле, вошёл и вошёл. На отсутствие Лидии Андреевны никто не обратил внимания. В конце обеда она появилась

в группе и как всегда сопровождала детей в спальную комнату.

Прошел тихий час, полдник, после которого всей группой вышли во двор на прогулку. И вот тут Ленька шепнул верным друзьям, что произошло в танцзале. Верные передали остальным – и группа в едином порыве решила заступиться за Лидию. Решено было завлечь Олежку за веранду и поговорить по-мужски, чтобы не рассказывал деду. Говорить должны были Кузнецов, Мартынов и Пульников, Таське с Олей, как наименее подозрительным, поручили выманить Олега к дальнему углу веранды, а остальные были обязаны изображать гуляющих, чтобы не привлекать внимания.

И вот Олежка припёрт спиной к стенке веранды, и Лёнька Кузнецов шипит ему в лицо: «Не смей жаловаться на Лидию Андреевну!» У Олежки на глазах слезы испуга, и он лепечет непослушными губами: «Вы не имеете права... я расскажу... вы, вы все...» – и захлебывается, давясь воздухом от ужаса и гнева. Ещё секунда и вместо слов ситуацию стали бы решать тумачи. И тут метнулась в гущу белая Таськина шапка, и она, подойдя вплотную, почти прошипела: «Я прошу, не говори про Лидию, прошу,» – и ухватив ладонями заячьи уши зимней Олежкиной шапки, завязанной под подбородком, вдруг поцеловала его зажмурившись, куда-то прямо в самую меховую сердцевину.

«Ты что...» – только и произнёс, отстраняясь, Олежка. Все вокруг оцепенели. Олежка оттаял первым и, разорвав

строй обступивших его ребят, убежал прочь. Лёнька Кузнецов отошел вторым: «Ну, ты, Емельянова, даёшь.» Через минуту все разошлись. Оля, обняв Таську за плечи, спросила: «Как думаешь, он скажет?» «Не знаю», – прошелестела та в ответ, испуганная собственным поступком.

Олежка на Лидию не пожаловался. Он рассказал про Таську.

И вот её мама, её вежливая мама – музыкальный критик – кричит уже битый час, а папа оттирает платком то запотевшие очки, то лысину, пытаясь сказать что-то внятное. Из всего этого ора, из всей груды слов, высыпанных на Таськину голову, засело только одно: «безнравственно» – и дальше пощечина.

А потом, засыпая, из своей комнаты Таська слышала продолжающийся ночной разговор родителей о том, что из неё вырастет, что это начало пути падших женщин, что эта бабка им всю кровь выпьет, что на весь город слава.

Но время не только добавляет горести, а иногда и лечит их. Вот и в саду наступил выпускной, все пели и танцевали. И сделали это, надо признаться, отлично. И таськин папа снял на карточку Таську в обнимку с Олей в белых платьях, похожих на балетные пачки. И они на этой фотографии словно две балерины после премьеры – худые и весёлые.

Школа. Таська, Оля и Олежка оказались в одном классе. Логика жизни или злая ирония?

Отчего-то в начальной школе все ужасные ябеды. Почему-то принято всё рассказывать учительнице, и называется это гадким словом «поделиться» или «проинформировать».

– Зачем?

– Чтобы Антонина Петровна была в курсе.

– А зачем?

– Что зачем?

– Зачем, чтобы она была в курсе?

– Как, разве ты не понимаешь, она ведь наша учительница.

Она за нас в ответе. Она всё должна знать.

– Неужели даже то, что носит Радченко в кармане?

– Конечно. А как иначе. У нас в классе не должно быть тайн. Мы все честны, что нам скрывать?

Стало ясно, что Олежкины жалобы растворились в общей массе бесконечных «докладов» Антонине Петровне. А та, в большей части пропускала их мимо ушей, поскольку, как человек опытный, знала, что всё это скорее норма, чем патология.

Коричневая девчачья форма с чёрным фартуком, серые мешковатые костюмчики мальчиков, октябрятские звёздочки, пионерский галстук, классный уголок с динамикой достижений – одним словом, начальная школа.

Олежка плакал, когда получал четверки, стал ужасно обидчивым (или, просто, это раньше было не так заметно?),

нервным; от ужаса перед опросом или четверкой начинал заикаться и почти трястись, но вне уроков оставался холёным, чистеньким барчуком, которого не портила даже мышачья серая форма.

Таська и Оля обзавелись новыми подругами. Ходили друг к другу в гости, пока родители были на работе, играли у Оли в парадном в жмурки между первым и вторым этажами: пролезали сквозь прутья перил, прыгали через ступеньки, вжимались в стены, залезали на подоконник на площадке между лестничными пролетами, ползали на четвереньках – всё, чтобы вода не поймал! – беспощадно отрывали на фартуках карманы и крылья, набивали шишки и синяки, хохотали от восторга, выдавая себя.

Их стало пятеро: Тася, Оля, Валя, Лера и Люся.

Валя

Высокая, словно кто специально вытянул, с лебединой шеей, смешливая, зеленоглазая. Её русые волосы были острижены в одну длину до плеч, а на глаза наезжала челка, с которой пыталась безуспешно бороться мама Вали, прося в парикмахерской обрезать её покороче, но Валя, обрастая, упиралась, уклонялась от стрижки, старательно поддерживая длину так, «чтобы челка глаза закрывала».

Валины предки – бабки, дедки – были казаки. Все как на подбор рослые и породистые люди. Жили крепко и долго:

один дед помер на девяносто втором году, запарившись в бане, а другой в девяносто погиб. Ехал пьяненький на лошади в начале зимы, ворочался откуда-то под вечер, упал, да и, пробив тонкий ещё лёд, утонул. В общем нелепо погиб дед Василий Силыч. Его жена, Валина бабка, тогда-то и переехала жить к детям в город.

Приходили девчонки в Вале в гости и видели румяное, словно кукольное, личико бабули, так не вязавшееся с её статной крепкой фигурой. Бабушка повязывала светлый платочек, и казалось, что на голове у неё был игривый капорок, а не платок, до того сияющей и светящейся становилась её мордашка. Повязывала она, значит, платочек и шла по инстанциям. Ох, и любила она «общественную жистю». Она и в деревне была такой же – активистка, правдоискательница, едва терпевшая обязанности домашнего хозяйства. И дед, Василий Силыч, всегда расстраивался от того, что жена его «кабы не советска власть, ни к чему не годна была». А так – всё же общественница. Грамотки получает, на собраниях митингует – навроде есть и у неё занятие; и народ то ли боится, а то ли уважает – не разберёшь.

Тут в городе освоилась она довольно быстро – и прямым ходом пошла выбивать уютги – холодильники, дополнительные метры и спокойных соседей. Весь подъезд держала в страхе – и в тайне гордилась собой.

Вот и сына допилила, поставила на крыло – в институте профессором служит. И ничего, что как выпьет, поёт за сто-

лом дурным голосом частушки, зато и жена у него вона какая, кудри навитые, сама из себя видная и тоже преподает. И условия жизни у них хорошие: квартира большая, светлая – вот и сидит бабуля, прихлёбывает за столом чай из блюда и закусывает конфеткой, жмурясь от удовольствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.